

УДК [821.161.2.09+821.161.1.1]«18»

УКРАИНСКАЯ ЛЕРМОНТОВИАНА XIX ст.
(«I ми, читая, оживаем, і чуєм Бога в небесах» ...)

Т.С.Шевчук

*доктор филологических наук, профессор,
 Измаильский государственный гуманитарный университет*

В статье рассматривается проблема художественной рецепции творчества М.Лермонтова в украинской поэзии XIX ст. Анализируются стихи М.Петренко, П.Гулака-Артемовского, Т.Шевченко, поднимается вопрос о начале переводов лирики Лермонтова на украинский язык. Выдвигается и обосновывается предположение, что образ Лермонтова положен в основу лирического произведения М.Петренко «Недоля» («Небо» во второй редакции), которая в советское время воспринималась как украинская народная песня. Лирика Лермонтова («Дума») также служила источником для украинских травестий («Конец века» П.Гулака-Артемовского). Мотивы путешествия, изгнания, печали, слез, критики морали органично резонировали с эстетическими настроениями других украинских поэтов XIX ст. Особенное внимание уделено исследованию влияния лирики М.Лермонтова на творчество украинского классика Т.Шевченко и его эстетическую оценку наследия русского поэта, что особенно актуально в год 200-летия со дня рождения обоих поэтов. В статье намечены дальнейшие перспективы исследования украинской лермонтовяны.

Ключевые слова: *рецепция, перевод, образ, песня, мотив.*

Украинские поэты XIX в. охотно обращаются к осмыслению гуманистической сути творчества Михаила Лермонтова (1814–1841). Образ поэта, рвущегося к свободе и независимости, вдохновлял многих на написание лирических произведений с эпитафиями из его творчества, переводы и даже травестии.

Стихотворения Лермонтова впервые появились в украинских альманахах в 1840-е гг. Одним из первых популяризаторов стал слобожанский поэт-романтик Михаил Петренко (1817–1862), стихи которого впоследствии были положены на музыку и стали народными песнями («Взяв би я бандуру...», «Дивлюсь я на небо та й думку гадаю...» и пр.). Например, в сборнике «Найкращі пісні України» (К. : Майдан, 1992) его лирика была опубликована без указания авторства как народная.

Впервые стихотворения Петренко были опубликованы в харьковском поэтическом альманахе «Снип» (1841), изданном стараниями местного культурного деятеля и поэта Александра Корсуна (1818-1891) [1]. К творчеству и образу М.Ю.Лермонтова имеет непосредственное отношение размещенное в нем стихотворение М.Петренко «Недоля» (1841), открывающееся строками (цитируются в авторской редакции 1841 г.) [2]:

*Дивлюся на небо та й думку гадаю:
 Чому я не соколь, чому не лїтаю?*

Выскажем предположение, что в основу этого произведения положен образ и трагическая судьба М.Ю.Лермонтова, несмотря на то, что в критических работах (А.Белецкий, И.Заславский, Ф.Прийма) этот вероятный, на наш взгляд, факт не поддавался углубленному осмыслению. В существующих исследованиях всегда подчеркивается эта связь, но объясняется только в рамках констатации наличия в нем эпитафия из первых двух строк стихотворения Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную, / Теснится в сердце грусть») и фактом публикации в год смерти русского поэта.

Следует отметить, что во второй авторской редакции этого стихотворения 1848 г., размещенной в «Южном русском сборнике» Амвросия Метлинского (1814–1870), эпитафия исчезает и появляется новое название «Небо».

В пользу гипотезы о роли образа М.Лермонтова в стихотворении М.Петренко «Недоля» приведем следующие аргументы:

1. Наличие упомянутого эпиграфа из стихотворения «Молитва»: *В минуту жизни трудную, / Теснится в сердце грусть* может свидетельствовать как о навеивании определенных лирических переживаний, так и о своеобразном посвящении этого стихотворения русскому поэту.

2. Обращает на себя внимание связь с биографическими фактами из жизни М.Лермонтова. Лирическим героем стихотворения является сирота, однако это не какой-нибудь безродный бедняк, байстрюк или актуальный для украинской литературы образ казака. Это человек, который бежит «от света», что трижды повторяется в тексте (5, 17, 24 строка). Герой считает себя наймытом своей доли, ее приبلудным мальчишкой, нелюбимым, чужим, неродным ребенком с акцентуализацией внимания на концепте «чужой» [2]:

*Далѣко, за хмари, подальше вѣдъ свѣту,
Шукать собѣ долѣ, на горе привѣту,
И ласки у сонця, у зѣрокъ прохатъ,
Й у свѣтѣ ихъ яснѣм себѣ покохатъ.
Бо долѣ ще з-малу кажусь я нелюбѣй;
Я наймѣтъ у неи; хлопцюга приплуднѣй:
Чужѣй я у долѣ, чужѣй у людей....
Хиба хто кохае нерѣднихъ дѣтей?...*

Сложное детство будущего поэта, отсутствие родительской ласки никогда не оспаривалось в лермонтоведении... Пронизывающее его творчество чувство неприкаянности, гонимости, ощущение себя пасынком судьбы и чужаком в обществе легло в основу лирических переживаний и героя анализируемого стихотворения.

3. Фигурирующие в произведении М.Петренко мотивы странничества и изгнанничества, образы сокола, орла, топосы неба, крыльев, туч, ярко выраженная вертикаль земля/небо вызывают массу ассоциаций с образами лермонтовской поэзии («Мцыри», «Тучи» и пр.).

Глубокое влияние творчества М.Лермонтова на мировоззрение и творческую манеру М.Петренко засвидетельствовал его современник, поэт и прозаик Николай Тихорский (1805-1871) в рецензии на выход альманаха «Снип». Критик сочиняет небольшую притчу о Поэзии, которую М.Лермонтов увез на Кавказ, откуда она попытался добраться назад в Петербург, но не доехала, поскольку ее перехватил поэт Петренко и с тех пор она на малороссийском языке поет думки, ярким примером чего является произведение «Недоля»: «...То-то читаю и журналы и книги – стиховъ много – стиховъ звучныхъ, плавныхъ и даже трескучихъ, а все поэзии нѣтъ, какъ нѣтъ! Да гдѣ она дѣвалась, наша собственная поэзія? А вотъ видите ли въ чемъ дѣло, я вамъ расскажу небольшую исторію о походе нашей поэзіи: ...Лермонтовъ, уѣзжая на Кавказъ, увезъ съ собой и поэзію, онъ умеръ, поэзія осталась одна сироткой на чужой сторонѣ... Вотъ она думала передумала и рѣшилась наконецъ отправиться опять в Петербургъ; наняла извозчика. – Петренко не промахъ, провѣдалъ какъ-то, что поэзія ѣдетъ на долгихъ въ Петербургъ и какъ нарочно черезъ Харьковъ; въ извѣстный день он и засѣлъ на Холодной горѣ, въ провалѣ. Была ночь, когда поэзія подѣзжала къ Харькову, желая въ полнѣ насладиться Малороссійскою ночью, она вышла изъ повозки, и вперивъ глаза въ звѣздное небо, тихо брела по бульвару, извивавшемся около дороги; г. Петренко не долго думалъ; схватилъ поэзію, и бѣгомъ съ нею домой. Съ тѣхъ поръ поэзія живетъ въ заперти у г. Петренки; онъ выучилъ ее Малороссійскому языку, и волею-неволею заставляетъ ее пѣть думки. Теперь не видать вамъ, господа, поэзіи въ Петербургѣ; г. Петренко до безумія влюбился въ Mademoiselle поэзію; М-lle поэзія очень неравнодушна къ М-г Петренко – слѣдственно они никогда не расстанутся... Думки поетъ не г. Петренко, а поэзія; что я васъ не обманываю, извольте посмотрѣть – вотъ, напримеръ Недоля...» [3].

Существует и третья редакция стихотворения М.Петренко «Недоля», относящаяся также к 1848 г. Она представляет собой слегка сокращенную художественную обработку этого стихотворения, приписываемую Т.Шевченко. Отредактированное стихотворение М.Петренко было обнаружено в рукописях Т.Шевченко 1848 г., первого года ссылки в Оренбург. Источник его знакомства с этим произведением не установлен. В качестве

предположения выдвигаются версии его получения в несохранившемся письме от автора или друзей поэта, снабжавшими его книгами, красками, бумагой. В третьей, шевченковской редакции, «подчищены» слобожанские элементы украинского языка и сделаны некоторые сокращения (21 строка вместо 24). В 1876 году это стихотворение без названия и эпитафии было опубликовано в февральском выпуске львовского ежемесячника «Правда. Письмо литературно-поэтическое» в рубрике «Из неопубликованных поэзий Тараса Шевченко». В 1887 году эту ошибку исправил Александр Кониский на страницах львовского журнала «Зоря», указав на истинного автора стихотворения, чем и обратил внимание общественности на личность и творчество малоизвестного харьковского поэта М.Петренко.

Третья, «шевченковская» редакция стихотворения «Недоля» практически без изменений фигурирует в современных антологиях, утратив оба своих названия и лермонтовский эпитафия. Она была положена на музыку украинским композитором второй половины XIX в., харьковчанкой Людмилой Александровой (с аранжировкой композитора Владислава Зарембы (1833-1902)), после чего это необыкновенное по силе эстетического воздействия произведение приобрело большую популярность. Праправнук Михаила Петренко в интервью газете «Вечерний Харьков» от 7 октября 2013 года вспоминает о том, что знаменитую песню «Дивлюсь я на небо та й думку гадаю» в 1949 году на концерте, посвященном 70-летию советского вождя, Дмитрий Гнатюк пел в Кремле для Сталина и его гостей, среди которых был Мао Дзэдун. А в 1962 году, знаменитая песня, которая была написана автором под влиянием творчества М.Лермонтова, прозвучала и в космосе: «12 августа 1962 года с космодрома Байконур стартовал корабль «Восток-4», на борту которого находился первый космонавт украинского происхождения Павел Попович, – вспоминает Александр Петренко. – Во время одного из сеансов связи с Центром управления полетов космонавт, нарушив инструкции, спел «Дивлюсь я на небо ...». Оказывается, это была одна из любимых песен конструктора Сергея Королева и именно для него Павел Попович исполнил ее из космоса» [4].

Интересно, что отец Людмилы Александровой, харьковский писатель, врач, фольклорист и краевед Владимир Степанович Александров (1825-1894) издал сборник «Песни» (1880), куда вошло семь переведенных автором «с великорусского на малороссийский язык» стихотворений, три из которых взяты из Лермонтова: «Ангел», «Сон» и «Выхожу один я на дорогу...». Слобожанский вариант украинского языка в середине XIX в. имел мало общего с галицкой версией. Переводы доктора медицины Александрова, мягко говоря, малохудожественны и являются не переводами, а переложением стихотворений Лермонтова на народную речь. Переводчик выступает в роли «тлумача»: «С неба полуночи ангел летел» («По небу полуночи ангел летел»); «В жару полдня в долине Дагестана» («В полдневный жар в долине Дагестана»), «В скорби иду я на дорогу...» («Выхожу один я на дорогу»). Появление этих удивительных переводов оправдывает и прощает только трогательная запись на титульной странице их скромного восьмистраничного выпуска: «Выручка по изданию назначена на памятник Лермонтова»... [5].

Художественными переводами произведений М.Лермонтова занимались многие украинские поэты. Одним из первых к ним обратились Михаил Старицкий (1840-1904), Иван Франко, Степан Руданский, Олена Пчилка (О.Косач-Драгоманова), Днипровая Чайка (Л.Василевская-Березина), Василий Щурат, Николай Евшан и др.

Помимо переводов, существует и ряд переложений по мотивам лермонтовской лирики. Ярким примером служит бурлескная поэма «Упадок века» (1856) харьковского писателя, ученого, поэта Петра Гулака-Артемовского, ректора Харьковского университета в 1841-1849 гг. На создание данного произведения автора вдохновила «Дума» М.Лермонтова, о чем убедительно свидетельствует эпитафия к поэме «Упадок века», которым послужила строка из лермонтовского текста «Печально я гляжу на наше поколень». Оба произведения открываются критикой современных нравов:

«Дума» М. Лермонтова

*Печально я гляжу на наше покоління!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.*

[6, 113].

«Упадок века» П. Гулака-Артемовского

*Як подивлюсь на хист теперішніх людей, '
На витребеньки їх... Та що з ними мороки!..
То, далєбі, дрючок отак би і вхопив,
Та й'ну їх лупцювать, замірків, на всі боки!*

[7, 78].

Украинская версия критики декадентских настроений базируется на бурлескной основе: серьезное содержание излагается низкой лексикой в контексте отвратительной картины всеобщего упадка, обнищания, деградации:

*І все обридло їм, і все їм не в користь;
Тут не вередить їм, а там друге завадить;
Полізкують борцу, ковтнуть галушок з шість, –
Уже й кородяться, що й бабка не порадить.
І марно як жили, так марно і помруть,
Як ті на яблуні червиві скороспілки,
Що рано відцвіли та рано відпадуть.*

...

[7, 78].

В конце произведения возникает пародийный образ потомка, надругавшегося над прахом непутового предка:

«Дума» М. Лермонтова

*И прах наш, с строгостью судьбы и
гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

[6, 114].

«Упадок века» П. Гулака-Артемовского

*І років через сто на цвинтар прийде внук,
Де грішні кості їх в одну копицю сперли,
Поверне череп їх, та в- лоб ногою стук,
Та й скаже: «Як жили, так дурнями і
мерли!»*

[7, 79].

Особое внимание хотелось бы обратить на вопрос влияния творчества М.Ю.Лермонтова на эстетические взгляды и творчество Т.Г.Шевченко (1814-1861), что представляется актуальным в связи с наличием важных юбилейных дат: в 2014 году отмечается 200-летие со дня рождения обоих поэтов. Несмотря на очевидный интерес Тараса Шевченко к творчеству русского поэта, в исследованиях советских ученых (А.Белецкий, И.Заславский, Е.Кирилук, Н.Крутикова, Ф.Прийма) нет развернутого освещения данного вопроса, который освещался на уровне констатации нескольких энциклопедических фактов. В постсоветское время внимание украинских исследователей было переключено на огромный корпус других малоисследованных научных вопросов: открытие и освещение запрещенной ранее отечественной литературы, освоение опыта западного литературоведения, новых методологий и пр. В то же время, даже поверхностный взгляд на проблему «Шевченко и Лермонтов» свидетельствует о значительном влиянии гениального русского поэта, а обращение к ней в год двух славных юбилеев позволит полнее раскрыть эстетические горизонты украинского Кобзаря.

И в Лермонтовкой (8), и Шевченковской (9) энциклопедии она подается как базовая информация, сводящаяся к констатации нескольких фактов:

1. В 1847 году ссыльный Т.Шевченко обратился с просьбой прислать ему томик произведений Лермонтова и получает его от своего друга, чиновника Оренбургской приграничной комиссии Михаила Лазаревского (1818–867);
2. В Новопетровском укреплении он делает рисунок на тему стихотворения Лермонтова «Умирующий гладиатор»;
3. Посвящает Лермонтову стихотворение «Мне кажется, но сам не знаю».

Отгалкиваясь от базовых фактов интереса Т.Шевченко к творчеству М.Лермонтова, остановимся и на некоторых деталях. В дневнике 1857 г., написанном в последние дни пребывания в ссылке в Новопетровской крепости, в записях от 20 июля на Ильин день по старому стилю содержится воспоминание о посещенной в 1845 году Ильинской ярмарке в украинском городе Ромны. Одним из ярких впечатлений того дня стало выступление московских цыган, которые в заключение своего «дикого-грязного концерта» пропели перед «пьяною публикою» лермонтовские строки:

*Не пылит дорога,
Не дрожат листья,
Подожди немного,
Отдохнешь и ты...*

«Думал ли великий германский поэт, – пишет Т.Шевченко, а за ним и наш великий Лермонтов, что их глубоко поэтические стихи будут отвратительно дико петы пьяными цыганками перед собором пьянейших ремонтеров? Им и во сне не снилась эта грязная пародия» [10, 63-64].

О трепетном, почти сакральном отношении Т.Шевченко к поэзии Лермонтова свидетельствует воспоминание, записанное в его дневнике неделей позже. По его свидетельству, возвращаясь с вечерней прогулки 28 июля 1857 года в Новопетровское укрепление, он сел на камень полюбоваться дикими красотами степной ночи и на память ему пришли лермонтовские строки: *Ночь, – пишет он, – лунная, тихая, волшебная ночь. Как прекрасно верно гармонировала эта очаровательная пустынная картина с очаровательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочитал несколько раз как лучшую молитву Создателю этой невыразимой гармонии в своем бесконечном мироздании. Не доходя укрепления, на каменистом пригорке я сел отдохнуть. И глядя на освещенную луной тоже каменистую дорогу, и еще раз прочитал:*

*Выхожу один я на дорогу,
Предо мной кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
[И] звезда с звездою говорит» [10, 72].*

Это был не единственный случай наслаждения Т.Шевченко лермонтовской музой в часы уединения, зафиксированный в его дневниках. Запись от 15 июня 1857 года: «Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали изредка только сонную и сладкую тишину утра. С некоторого времени, как мне позволено уединяться, я чрезвычайно полюбил уединение. Милое уединение! Ничего не может быть в жизни слаще, очаровательнее уединения, особенно перед лицом улыбающейся, цветущей матери Природы. Под ее сладким волшебным обаянием человек невольно погружается сам в себя и видит Бога на земле, как говорит поэт» [10, 17]. Нетрудно прочитать в последней метафоре отсылку к лермонтовской строке *И в небесах я вижу Бога* («Когда волнуется желтеющая нива»). Замена топоса небес на топос земли состоялась произвольно, под впечатлением получаемого удовольствия от красоты земной природы, в гармонии которой прослеживается божественное, небесное начало.

Лирика Лермонтова не могла не отразиться в поэтическом наследии Шевченко. В стихотворении последнего «Пророк» слышатся отголоски одноименного произведения, однако в его основу положено иное содержание. Это библейская история об основателе Израильско-Иудейского царства Самуиле (к которой украинский поэт возвращается в стихотворении «Саул»), по сюжету которой за просьбу народа к пророку дать им царя он миропомазал на трон будущего тирана. Строка *Ликует буйный Рим* из стихотворения Лермонтова «Гладиатор», к которому Т.Шевченко сделал художественную зарисовку, по всей вероятности, отзывается в его поэме «Неофиты» [11, 254].

Говоря о проблеме «Лермонтов и Шевченко», нельзя не привести хрестоматийной цитаты из письма последнего к другу Лазаревскому, отражающую ту степень нетерпения и жажды чтения, которую испытывал ссыльный поэт по отношению к творчеству любимого автора. «Ну что же делать, когда негде взять, пришлите ради поэзии святой Лермонтова хотя

бы один том, великую превеликую радость пришлете с ним вашему благодарному и бестолковому земляку (пер. с укр. мой. – *Т. Ш.*)» [12, 39]. Той же зимой с подобной просьбой он обратился и к другому приятелю, украинскому помещику Андрею Лизогубу (1804-1864): поискать в Одессе издание стихов Лермонтова. Через полгода, в письме от 22 апреля 1848 года Шевченко напоминает Лазаревскому о своей просьбе относительно издания стихов Лермонтова, уверяя, что погибнет в крепости без книг.

Долгожданный томик Т.Шевченко получил, по всей вероятности, в 1849 г. от брата Лазаревского Василия (1817-1890), также служившего чиновником при Оренбургской комиссии. В начале 1850 г. под впечатлением прочитанного он посвятил русскому поэту стихотворение «Мне кажется, но сам не знаю». Оно состоит из трех частей: сатирической медитации по мотивам переселения душ; лирическое обращение к Лермонтову; благодарственное послание М.Лазаревскому за присланное издание.

В первой части Т.Шевченко выражает убеждение в том, что великие грешники переселяются в свиней, купающихся в грязи так, как прежде купались в грехах. Среди них, уверен он, в первую очередь власть имущие, деяниями которых были пролиты реки слез и моря крови. Те, кто прожил жизнь как лютые звери, не сомневаются поэт, непременно становятся свиньями.

Переход ко второй части стихотворения открывается вопросами «Де ж ти? Великомучениче святий? Пророче Божий?», демонструющими, на какой пьедестал поднимает Лермонтова украинский лирик. Он полагает, что в изображенной им художественной картине мира переселения душ безвременно погибший поэт остался среди людей и, как Присносуший, святым ангелом всегда витает между ними. Эта часть глубоко лирична и резко контрастирует с ядовитыми инвективами обличительного вступления:

*Ти, любий друже, заговориши
Тихенько-тихо... про любов
Про безталанну, про горе,
Або про Бога, та про море,
Або про марне литу кров
З людей великими катами.
Заплачеш тяжко перед нами,
І ми заплачемо... [11, 221].*

Поэзия Т.Шевченко очень эмоциональна, несмотря на обилие брутальных сцен и сатирических деталей. Возможно поэтому часто встречающийся в лирике Лермонтова мотив *слез* глубоко тронул и взволновал его, равно как и других украинских читателей: *И верится, и плачется / И так легко, легко* («Молитва»); *И кровь кипит – и слезы из очей* («Сосед»); *И слезы, слезы потекли, Но тут я плакал без стыда* («Мцыри») и пр.

Посвящение заканчивается словами уверенности в том, что святая душа поэта жива, она продолжает жить в своих святых речах, воздействуя на души людей. И это воздействие настолько сильно, что, как и великий русский поэт в момент лирического откровения видит Создателя («Пока волнуется желтеющая нива»), так и каждый читатель «слышит» Бога в небесах:

*І ми, читая, оживаєм
І чуєм Бога в небесах (Там же).*

В словах благодарности к М.Лазаревскому за ту великую услугу, которую он ему оказал, прислав томик стихов Лермонтова, Т.Шевченко уверяет, что своим благим поступком друг «открыл ему дверь на свободу», «оживил», внушил надежду и вселил веру в Бога:

*Надію в серце привітаю,
Тихенько-тихо заспіваю
І Бога Богом назову (Там же).*

Хочется обратить внимание на тот факт, что после возвращения из Оренбурга Т.Шевченко навестил М.Петренко в местечке Лебединое в июне 1859 г., с которым ранее лично знаком не был. Напомним, что именно в 1848 г., период активных просьб Шевченко к

товарищам прислать ему томик Лермонтова, он собственноручно переписал посвященное русскому поэту стихотворение Петренко «Недоля». Так двух украинских лириков в определенной мере объединила восхитительная лермонтовская муза...

Возвращаясь в вопросу образа М.Лермонтова в украинской поэзии XIX в., следует указать на ряд других посвященных ему стихотворений. Перспективами исследования данной темы является анализ стихотворений «К портрету Лермонтова» (1884) украинской писательницы и поэтессы Людмилой Василевской-Березиной (1861-1927), известной под псевдонимом Чайка Днепровая (в частности, в сопоставительной характеристике с одноименным стихотворением В.Брюсова, датируемым 1900 г.); «Орел подстреленный» (1897) поэта и украинского культурного деятеля рубежа веков Николая Чернявского (1867-1938).

1. Сніпъ, українській новорочникъ. Рјкъ первій. / Александръ Корсунъ. Друковано в университетській штампарні. – Харківъ, 1841.
2. Сайт, посвященный поэту Харьковской школы романтиков первой половины XIX века Михаилу Николаевичу Петренко. Режим доступа: <http://www.дивлюсьянанебо.com/golovna>
3. Тихорский Николай. Рецензія на Украинській новорочникъ Сніп Александра Корсуна // Маякъ, журналъ современнаго просвѣщенія, искусства, и образованности. – Санкт-Петербургъ, 1842. – Т. V, Кн. IX, Гл. IV. – С. 11-13.
4. Кадомская Е. Известную «народную» песню написал харьковский поэт // Вечерний Харьков от 7.10.13. Режим доступа: <http://vecherniy.kharkov.ua/news/83304/>
5. Песни, с великорусского на малороссийский язык переложив Вл. Александров. Харьков: Печать М. М. Гордона, 1880. – 8 с.
6. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. – Т. 2: Стихотворения. 1832-1841 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) [Ред. Н. Ф.Бельчиков]. – М.-Л. : Издательство АН СССР, 1954. – 386 с.
7. Гулак-Артемівський П. П. Твори / П. П. Гулак-Артемівський. – К. : Дніпро, 1978. – 159 с.
8. Лермонтовская энциклопедия. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) [Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э. и др.] – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 746 с. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/default.asp>.
9. Шевченковская энциклопедия. Научная электронная библиотека Оренбургского государственного университета. Режим доступа : http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=14&Itemid=148.
10. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: У 6 т. / Т. Г. Шевченко. – К.: Наукова думка, 2003. – Т. 5. – 496 с.
11. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: У 6 т. / Т. Г. Шевченко. – К.: Наукова думка, 2003. – Т. 2. – 784 с.
12. Шевченко Т. Г. Зібрання творів: У 6 т. / Т. Г. Шевченко. – К.: Наукова думка, 2003. – Т. 6. – 632 с.

Шевчук Т. С. Українська лермонтовіана XIX ст. («І ми, читая, оживаєм, і чуєм Бога в небесах» ...)

Висувається та обґрунтовується припущення, що образ Лермонтова покладений в основу ліричного твору М. Петренка «Недоля» («Небо» у другій редакції), який за радянських часів сприймався як українська народна пісня. Лірика Лермонтова («Дума») також послугувала джерелом для українських трагедій («Кінець века» П.Гулака-Артемівського). Мотиви мандрівки, вигнання, смутку, сліз, критики моралі органічно резонували з естетичними настроями інших українських поетів XIX ст. Особливу увагу приділено дослідженню впливу лірики М.Лермонтова на творчість українського класика Т.Шевченка та його естетичну оцінку спадщини російського поета, що особливо актуально в рік 200-річчя з дня народження обох поетів. У статті окреслено подальші перспективи дослідження української лермонтовіани.

Ключові слова: рецепція, переклад, образ, пісня, мотив.

Shevchuk T. S. Ukraininan Lermontoviana of the XIX century («I ми, читая, оживаем, і чуєм Бога в небесах» ...).

The article deals with the problem of M.Lermontov's art works reception in the Ukrainian poetry of the XIXth cent. The poetries of M.Petrenko, P.Hulak-Artemovsky, T.Shevchenko are analyzed, so as the question of the start of Lermontov's lyrics translation into Ukrainian. The hypothesis that the Lermontov image is the prototype of the lyrical character of Petrenko's poem «Misfortune» («Sky» in the second edition), which in Soviet times was seen as a Ukrainian folk song, was put forward and justified. The Lermontov lyrics («Duma») became the source for Ukrainian travesty («End of the Century» by P.Hulak-Artemovskiy). Motives of wandering, exile, sadness, tears, moral critics naturally resonated with the experience of other Ukrainian poets of the XIXth cent. Special attention was paid to studing the impact of Lermontov's poetry on the work of Ukrainian classic poet Taras Shevchenko and his aesthetic assessment of the Russian poet's heritage, which is like especially important in the year of the 200th anniversary of the birth of both poets. The article outlines the prospects for further study of Ukrainian Lermontoviana.

Key words: *reception, translation, appearance, song, tune.*